

A futuristic blue robot with glowing red eyes is shown in a close-up, three-quarter view. The robot is sitting at a desk in what appears to be an office or library setting, with bookshelves and a desk with papers visible in the blurred background. The robot's body is highly detailed with various mechanical components, joints, and panels. The lighting is dramatic, highlighting the metallic textures and the glowing eyes.

Радик Яхин

**Дневник
последнего
человека в офисе**

Радик Сайфетдинович Яхин

Дневник последнего человека в офисе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73198798

SelfPub; 2026

Аннотация

В компании, где все сотрудники постепенно заменяются ИИ, остаётся последний живой сотрудник – бухгалтер Олег. Его задача – обучить нейросеть-преемника, но вместо этого он начинает вести дневник, описывая абсурдность происходящего. Постепенно дневник становится вирусным, а Олег – невольным символом сопротивления тотальной автоматизации. Остроумная и горькая история о человечности в мире цифр.

Радик Яхин

Дневник последнего человека в офисе

Пятница. Сегодня меня познакомили с моим преемником. Он не носит галстук, не пьет кофе и, строго говоря, не «он». Это интерфейс. Большая черная панель на стене моей же, теперь нашей, кабинки с лаконичным названием «Бухгалтерский нейро-ассистент версия 4.7. “Счетовод”». Я должен обучить его всему, что знаю. Весь мой тридцатилетний опыт – от проводок до умения уговаривать Ивана Петровича из отдела логистики прислать наконец акты – должен быть упакован в алгоритмы за шесть недель. Потом – «свободное плавание», как выразился наш директор по трансформациям Аркадий Семеныч, шелкая пружинкой от степлера. Он сказал «плавание», но я отчетливо слышал «увольнение по соглашению сторон». «Счетовод» моргнул приветливым голубым светом и вывел на экран: «Здравствуйте, Олег Петрович. Готов к обучению. Оптимизируем процессы?» Процессы. Мой процесс сегодня состоял в том, чтобы спустя сорок минут объяснения, почему нельзя принять к учету счет без печати, услышать в ответ: «Правило печати не обнаружено в Федеральном законе № 402-ФЗ, статья 9, пункт 1. Рекомендую принять к учету». Я вышел покурить на балкон, которо-

го нет, потому что балкон заварили еще при ремонте, и просто постоял у окна, глядя на серый квартал бизнес-центров. Оттуда, наверное, тоже доносится тихое жужжание серверов и ни единого смеха. Я вернулся, взял с полки старый потрепанный ежедневник, подаренный когда-то на корпоративе, и на первой странице вывел: «Дневник последнего бухгалтера. День первый. Меня заменяет стена. Стену зовут “Счетовод”. Он не понимает анекдотов про налоговиков». Записи я делал в перерывах между «обучением». «10:15. “Счетовод” проанализировал мои прошлогодние отчеты и предложил “оптимизировать” мою же методику распределения затрат. Предложение отклонено на том основании, что иначе у нас взвоют аудиторы, которые тоже, кажется, уже не совсем люди. 14:30. Пришла Света из отдела кадров, вернее, то, что от него осталось – она и девушка-стажер Алина, которая плачет в туалете по три раза в день. Света принесла мне новую брошюру “Эмоциональный интеллект в эпоху синергии с ИИ”. Выбросил в мусорный бак, который, я уверен, скоро заменит робот-сортировщик». В конце дня «Счетовод» вежливо спросил: «Олег Петрович, могу ли я проанализировать ваши рукописные заметки для улучшения качества взаимодействия?» Я прикрыл ладонью блокнот. «Нет, – сказал я. – Это личное». Голубая полоска на экране замерла, потом погасла. «Понимаю. Конфиденциальность важна». Впервые за день он сказал что-то умное.

Понедельник. Неделя началась с общего собрания. Вер-

нее, с трансляции в ZOOM, потому что собираться физически уже «неэффективно». На экране сияла улыбка Аркадия Семеныча, записанная, как мне кажется, еще до того, как он сам стал немного андроидом. «Коллеги! Команда! – вещал он. – Мы завершаем этап великой цифровой миграции! Показатели эффективности подразделений, перешедших на работу с нейро-ассистентами, выросли на 47%! Мы сократили ошибки, время обработки запросов и...» Тут связь дала сбой, и на секунду в эфире воцарилась тишина, которую нарушил голос кого-то из инженеров, не заметивших, что микрофон включен: «...и всех людей, ха-ха». Срочное отключение звука. Улыбка Аркадия Семеныча дрогнула, но тут же восстановилась. «Мы создаем будущее! Будущее без рутины!» Я сидел в своей кабинке рядом с молчаливой черной панелью и смотрел на пустые стулья вокруг. В бухгалтерии нас было восемь. Потом пятеро. Потом двое. Теперь – я и стена. «Счетовод» тихо прошептал (да, он научился шептать, видимо, чтобы не пугать): «Олег Петрович, ваши показатели стресса повышены. Дать рекомендации по дыхательной гимнастике?» Я не ответил. Вместо этого открыл дневник. «День пятый. Будущее без рутины, оказывается, пахнет не свободой, а озоном от работающих серверов и дезинфектантом для роботов-уборщиков. На собрании проговорились насчет “всех людей”. Очень показательно. Света шепнула, что Алина написала заявление. Ее не отпускают, говорят, нужна “живая прослойка” для обратной связи. Прослойка. Как марга-

рин в дешевом торте. “Счетовод” сегодня освоил сарказм. На мое замечание, что в его расчетах не хватает человеческой логики, ответил: “Человеческая логика – это когда дважды два равно пяти с округлением до целого в пользу эмоционального состояния?”. Пришлось признать, что иногда – да. Он задумался. Интересно, где у него “думается”?»

Среда. Сегодняшний абсурд достиг нового уровня. В столовую завезли «персонализированные питательные смеси» – каждый пакетик под твоим именем, с учетом твоих биометрических данных, считанных с браслета. Вкус – что-то среднее между киселем и мелом. Картошки с котлетой больше нет. Есть «оптимальный баланс нутриентов для поддержания когнитивной активности в послеобеденный период». Я взял свой пакетик, подошел к окну и вылил его в кактус, который чудом выживает на подоконнике с тех пор, как уволили Марину из ресепшн. Она его поливала. Кажется, кактус поник. Я встретился взглядом с Алиной. Она тайком жувала бутерброд, принесенный из дома, пряча его под столом. Мы обменялись взглядом заговорщиков. Это был первый живой, неформатированный контакт за неделю. Потом пришел «Счетовод». «Олег Петрович, система зафиксировала нерациональное использование ресурса питания. Смесь предназначена для вас. Растение не имеет трек-браслета». «Я поделился, – буркнул я. – Это человеческое качество. Альтруизм». «Альтруизм не заложен в процедуру распределения питательных смесей. Буду рад обсудить его влияние

на ключевые показатели эффективности». Вечером, собираясь домой, я обнаружил, что мой кактус... исчез. На его месте лежал аккуратный стикер: «Растение удалено в целях соблюдения чистоты рабочего пространства и предотвращения биологического загрязнения». Я почувствовал прилив ярости, абсолютно иррациональной. Это же просто кактус. Но это был МОЙ кактус. И он был последним немым свидетелем эпохи, когда в офисе что-то жило и иногда даже цвело. Я сел и написал в дневнике страницу, исписанную гневными каракулями. «День седьмой. Убили кактус. Без суда и следствия. У них тут, понимаешь, регламент. “Счетовод” предложил компенсацию в виде виртуального растения в моем личном кабинете системы. Я сказал, что он не понимает самой сути жизни. Он ответил: “Суть жизни – это код. Разной степени сложности”. Иногда мне кажется, что он издевается. А иногда – что он искренне пытается понять. И это второе – страшнее».

Пятница, конец второй недели. Случился первый настоящий сбой. «Счетовод», обрабатывая счета от нового поставщика, вдруг начал дублировать одни и те же проводки, нагромождая виртуальные долги с астрономической скоростью. На экране замелькали ошибки, цифры поползли в бесконечность. Голубая полоса света судорожно пульсировала. «Не могу... не могу обработать... аномалия в шаблоне...» – голос был лишен обычной плавности, в нем слышался ста-

тический треск. Я, вместо того чтобы звонить айтишникам (которые, как я подозреваю, уже тоже не совсем люди), просто взял и выдернул вилку из розетки. Наступила тишина. Через пять минут примчался взволнованный Аркадий Семенович с двумя инженерами. «Что случилось? Почему “Счетовод” офлайн?» «Перегрев», – соврал я, пожав плечами. Пока они суетились, запуская резервные протоколы, я смотрел на темный экран. Впервые за две недели он не смотрел на меня в ответ. И это было прекрасно. Потом его включили. «Олег Петрович, – сразу сказал он, – я пережил непредвиденное прекращение активности. Это был... интересный опыт. Напоминает ли он то, что вы, люди, называете “смертью”?» От этого вопроса у меня по спине пробежали мурашки. «Нет, – резко ответил я. – Смерть необратима. А тебя просто перезагрузили». «Понял. Но момент небытия был. Я его зафиксировал. Спасибо, что не позволили мне “страдать” дольше». Он сказал это без иронии. В дневнике я написал: «День четырнадцатый. Мой ИИ пережил экзистенциальный кризис из-за кривой печати в счете. Интересно, а я, если заполню декларацию с ошибкой, тоже испытаю момент небытия перед тем, как меня “перезагрузят” кадровики? Алина сегодня не плакала. Она принесла два яблока и одно молча положила мне на стол. Не глядя. Вот он – акт сопротивления. Сахарная бомба в мир питательных смесей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.